

# Ненависть / Hatred (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Ненависть / Hatred (рассказ)*



<b>Автор</b>	<a href="#">Бен Чессел / Ben Chessell</a>
<b>Переводчик</b>	<a href="#">Sergen</a>
<b>Издательство</b>	Black Library
<b>Входит в сборник</b>	<a href="#">Царство Хаоса / Realm of Chaos (сборник)</a> <a href="#">Истории Старого Света / Tales of the Old World (сборник)</a>
<b>Источник</b>	Inferno! #2
<b>Год издания</b>	<a href="#">1997</a>
<b>Подписаться на обновления</b>	<a href="#">Telegram-канал</a>
<b>Обсудить</b>	<a href="#">Telegram-чат</a>
<b>Скачать</b>	<a href="#">EPUB</a> , <a href="#">FB2</a> , <a href="#">MOBI</a>
<b>Поддержать проект</b>	

*Я - ненависть. Я - отвращение. Если ты знаешь меня и не ненавидишь - ты нечист. У меня достаточно ненависти к себе.*

Виселица в Куртбаде была пуста. Раскачивающаяся на лёгком ветру, верёвочная петля рассматривала деревню, словно какой-то жуткий глаз. Народ Куртбада спал, несмотря на то, что уходил ко сну в страхе. Двое стражников разместились напротив дверей сарая, что служил для деревенских местом собраний,

одеяла, в которые они были укутаны, обёртывали их подобно савану. Их вилы лежали на чёрной земле Аверланда, отброшенные. Если бы скромный ветер, что раскачивал петлю, оказался настолько смел, чтобы принюхаться к дыханию этих людей, то он бы учуял вино, много вина.

Полночные часы в разгар охоты на ведьм в Аверланде не стоило встречать лицом к лицу, не укрепившись. Небольшие запасы вина, хранившиеся в Куртбаде ко дню Таала, дню возвращения Весны, были откупорены и розданы по домам. Когда этот день придёт, а придёт он уже скоро, все, кроме самых маленьких детей, поймут.

Теперь всё, что имело значение - тот человек, что был убит.

Гюнтер покрепче натянул толстый шерстяной плащ на плечи, наделав при этом достаточно шума, чтобы разбудить ту, что согревала его постель, из которой он только что выбрался, однако никакой реакции не последовало. Слабый свет луны вряд ли поможет Гюнтеру убедиться, действительно ли она спит. Он пристегнул ножны со своим мечом, ставшим его после того, как отец умер в одну из морозных ночей в начале зимы, и отодвинул запор на двери своего дома, что стал его тем же манером, что и меч. Холод льда на каменных ступеньках, проникший сквозь трещины его милицейских сапог, и ветер сдули остатки опутывавшей его паутины сна. Гюнтер нашёл небольшое утешение в том, что был единственным постоянным милиционером Куртбада, ответственным за жизни более сотни мужчин, женщин и детей. Он выпрямился и направился к сараю, чтобы поглядеть, чем занимались его новобранцы.

Аня подождала, пока за ним не закрылась дверь, прежде чем сесть и затеплить свечу от едва тлеющих в очаге углей, что напоминали подмигивающие в ночных небесах звёзды. Она закрыла дверь на засов, после чего вновь вернулась в постель. Сторона кровати, на которой спал Гюнтер, всё ещё хранила тепло его тела, но быстро остывала. Она проползла в уголок, на котором свернулась, словно кот, в ту ночь, когда Гюнтер забрал её из семьи, уверяя её мать, что ей будет безопаснее с ним. Очень может быть, что это так и было. Впрочем, как могла её мать, что была старше большинства женщин в деревне, сказать высокому, могучему, словно медведь, милиционеру, что он не мог забрать её единственную дочь. В конце концов, это же было ради безопасности Ани.

Аня и Гюнтер не были женаты, и если бы он не был, возможно, одним из самых важных людей в Куртбаде, то это бы не осталось без последствий. Как и всегда, многие люди шептали у неё за спиной и глядели ей вослед, словно могли увидеть следы её греха на её одежде.

Аня свернулась калачиком и думала об этих вещах, глядя на пламя свечи и воск, что плавился и бежал вниз по огарку, словно слёзы. Свеча плакала, пока не умирала.

За деревней, на дороге к Нульну, ночь разорвал испуганный крик и блеск клинков. Человек спрыгнул с лошади и поскользнулся в грязи на обочине дороги. Другой человек прокатился по земле, прижимая запястье ко рту, опавшие зимние листья налипли на его лицо. Борьба была кровава и быстра, как и любая драка. Когда всё было кончено, слабая луна осветила лишь открытую кожу и застывающую кровь.

Победитель боя поехал через лес к Куртбаду, словно ища что-то.

Отто мясник хорошо спал эту ночь, несмотря на мучительное чувство вины. Он привык к нему.

Куртбад располагался на краю Рейксбанкского леса в центре Аверланда, в четырёх днях пути верхом от Нульна. Он лежал возле старого торгового пути, что вёл от этого великого града коммерции и промышленности к форпосту гномов на перевале Мрачный Молот в Чёрных горах. Там в течение многих веков гномы выжимали свинец и железо из обильных недр гор. Затем они грузили руду на телеги и, проходя на своём пути Куртбад, отправляли её напрямиком на рынки Нульна, а оттуда во все остальные литейные Империи, что готовы были заплатить самую выгодную цену: золото за сталь. Куртбад в те дни был полон дел.

В конечном итоге жадность гномов превысила их мастерство, и щедрость Чёрных гор иссякла, словно переставшая кровоточить рана. Перевал Мрачный Молот был заброшен, гномы покинули его и вернулись к себе домой, где занялись войной с гоблинами, или чем они там занимаются в обычное время. Куртбад стал городом-призраком, словно навеки погружённым в ночь. Гостиница была закрыта, а её владелец уехал в Нульн вместе с девушкой из Куртбада, на которой женился. Позже она вернулась: с ребёнком, без денег и с клеймом на руке. Гостиница была разрушена. Может быть, в гневе, а может, людям Куртбада просто понадобилась древесина для своих овечьих загонов, ибо жили они в стране волков.

Тем не менее, через одно поколение деревня очистилась от влияния гномов и торговцев, и зарос травой путь на перевал Мрачный Молот.

В эту небольшую деревню, крошечный чёрный стежок на огромной вышитой карте, что висела в главном зале Гильдии торговцев города Нульна, вошёл чёрный конь с копытами из серебра. На его спине сидел высокий мужчина, одетый в чёрное. Он носил шляпу цвета угля с плюмажем из перьев, что, по общему мнению, были окрашены, ибо никто не знал птиц с таким оперением. Он был вооружён мечом и кинжалом, на манер джентльмена, его ботинки из мягкой кожи были также окрашены в цвет безлунной ночи. Его руки были покрыты шрамами и ссадинами, следами давних и не очень сражений, и он держал поводья в левой руке, как будто правая не годилась для этой задачи.

Он сидел на лошади в течение некоторого времени, рассматривая деревню и её жителей, что копошились в рассветном тумане. Он сидел там достаточно долго, пока Вильгельм, наказанный за то, что спал на дежурстве у сарая, не зазвонил в огромный бронзовый колокол. Этот колокол был последним свидетельством времён, когда деревня была связана с гномами-шахтёрами, за исключением ярко окрашенных перекладин в овечьих загонах. Первоначально он использовался, чтобы предупредить караваны, покидавшие горные тропы, что дорога была слишком размытой для безопасного прохождения, и что им следовало дожидаться сухого дня. Теперь из колокола, украшенного печатью шахтёров в виде перекрещенных топора и молота, извлекали звук с помощью молотка, так как паровой механизм давно уж приказал долго жить.

***Я - змея. Я - червь. В моей крови яд. Я не могу умереть мирной смертью. Я сгорю сейчас, как я сжигал тогда.***

Гюнтер услышал звон, когда уже в пятый раз осматривал место, где было найдено тело Грегора. Он знал - здесь были знаки, которые можно прочесть, ответы, написанные на земле, столь же ясные, как освещённый огнями манускрипт.

Так же как он не мог прочесть нацарапанные чернилами завитки на страницах отцовских книг, точно так же он не мог прочесть знаки в грязи, застывшей и растрескавшейся со времени убийства Грегора

два дня тому назад. Он нашёл глиняные осколки от разбитой бутылки, но это только лишь ещё больше всё запутало. Единственные знаки, которые он мог с уверенностью прочесть - это глубокие отпечатки его собственных ботинок, четыре комплекта.

Он отвернулся и выпрямился, поворачиваясь лицом к той катастрофе, что в данный момент надвигалась на Куртбад.

Аня выглянула между занавесок гюнтерова дома. Человек молча сидел на лошади, словно скульптура, отлитая из чёрной кожи. Она подумала, что тот скверно выглядит. Он балансировал, подобно пьянице, и, когда она в очередной раз бросила на него взгляд, пошатнулся в седле, словно молодое деревце на ветру. Аня достала башмаки, купленные ей Гюнтером в подарок во время одной из его поездок в Нульн, и отперла дверь.

Она была первым человеком в деревне, кто решился подойти к нему, поэтому поправила волосы, пока осторожно подходила к незнакомцу. Он не показал ни единого признака, что заметил её, так что Аня обошла его лошадь и встала перед ней. Большие карие глаза жеребца критически посмотрели на неё, но голова человека осталась склонённой. На правом запястье мужчины, поверх кожаной перчатки, Аня заметила пятно засохшей крови, опознав её по цвету. Аня видела, что человек был жив: его грудь поднималась и медленно опускалась.

Она набралась-таки смелости и решила обратиться к нему, не обращая внимания на то, что понятия не имела, как следует обращаться к охотнику на ведьм.

Гюнтер перевёл дух и задержал дыхание, пока всё его хорошее настроение улетучивалось. Охотник на ведьм. Только этого им и не хватало.

Он оценивающе оглядел человека. Аня помогла мужчине слезть с коня, который в настоящее время пасся на пышной траве общинного луга Куртбада, прежде чем Гюнтер смог прогнать её в дом. Глупая девчонка. У этих охотников на ведьм не было иной цели, кроме выслеживания и искоренения Хаоса, и он понимал, что, несмотря на то, что где-то в округе разгуливает опасный убийца, (может даже какой-то монстр) человек в чёрном был не менее опасным. Разве она не понимает этого? Конечно, понимает.

Даже сейчас она продолжала наблюдать за тем, что происходит в округе, пока подогревала воду для гостя. Она вцеплялась за любую возможность соприкоснуться с внешним миром, окружавшим Куртбад. Почему она не может довольствоваться им одним? Гюнтер знал, что, скорее всего, только его образование и контакты с армией Империи, были основной причиной, которая позволила привести Аню к нему домой, и это была хрупкая сделка, которую он был полон решимости защитить.

Он обратил своё внимание на охотника на ведьм. Человек сидел, прислонившись к стене его дома, словно увядший цветок, за исключением того, что Гюнтер знал, что единственные цветы, хотя Гюнтер не знал цветов расцветки Смерти. Гюнтер обратился к нему, соблюдая все формальности, приветствуя его в Куртбаде и интересуясь, какие дела привели столь достойного джентльмена в их деревеньку.

Когда человек заговорил, то голос, вышедший из его рта, был слишком слаб, словно горло его было слишком мало для слов, которые он хотел произнести. Но даже это небольшое усилие заставило его поморщиться от боли и закрыть глаза. Его имя было Дагмар, и он действительно был охотником на ведьм, и он знал о бедах, свалившихся на Куртбад. Так что у Гюнтера не осталось иного выбора, кроме как предложить ему гостеприимство своего дома.

Дагмар лежал в чужой постели и размышлял о стропилах. Они были из дуба, и они были стары. Словно крепкие рёбра, что удерживали соломенную кожу крыши от разрушения, они встречались в могучей балке из большого круглого ствола, на котором до сих пор ещё виднелись в некоторых местах остатки коры. У одного края он заметил висевший на стене арбалет, хорошо смазанный и поддерживаемый в рабочем состоянии. Другой конец занимали горшки для приготовления пищи, а также различные травы, пучки корней и специи.

Дагмар повернулся в постели и посмотрел на девушку, которая что-то мешала в горшке. Словно резкий удар кнута, боль пронзила его ребра, когда он пошевелился, так что Дагмар ограничился лишь мимолётным взглядом, прежде чем вновь вернуться к созерцанию соломы над головой. Серый солнечный свет проникал сквозь прорехи в соломе и ложился на него, словно резаные раны.

Он позволил девушке снять с него ботинки, но в остальном он был одет в ту же, неподходящую для охотника на ведьм одежду, в которой прибыл в городок. Бой в лесу прошлой ночью чуть было не стал последним в его карьере, и лишь самоуверенность его противника спасла охотника на ведьм. Дагмар терпеливо ждал девушку и рагу, которое она делала, и спрашивал себя, могла ли удача изменить ему.

Ане пришлось кормить мужчину, так как он сам не мог нормально есть. Гюнтер не стал говорить ей его имя, объяснив это тем, что некоторые вещи ей знать не стоило. В данный момент он отсутствовал, занимаясь лошадью, или отправившись за дровами или чем-нибудь ещё.

Она терпеливо кормила человека, отметив, что он был довольно-таки вежлив. Он сказал ей своё имя, пытаясь в ответ узнать её. Так она узнала, что его зовут Дагмар, и назвала своё имя в ответ. Какой от этого мог быть вред? Из того, что она знала про охотников на ведьм, это были достойные люди, которые охотились на монстров по всей Империи. Она никогда в жизни не видела одного из них, но Гюнтер иногда упоминал о них в своих многочисленных рассказах о путешествиях по Империи. Если он пришёл сюда, чтобы поймать убийцу Грегора - разве это было плохо?

Она посмотрела на забрызганную грязью и покрытую кровью одежду человека. Наверное, стоило раздеть его и выстирать его дорогую одежду, под ней явно скрывались раны. Гюнтер не стал протестовать, когда человек забрался в своей грязной одежде на кровать, но Аня видела его лицо. Ей не хотелось ещё больше рассердить его. Не сейчас.

***Я - зло, и оно пожирает меня. Во мне нет места ни для чего, кроме ненависти. Во мне нет ничего, кроме болезни. Не прикасайтесь ко мне.***

Гюнтер колот дрова так, словно каждое полено было головой врага. Он видел много лиц, когда колун глубоко входил в колоду: гоблинов, бретонцев, мужчин, которых он убил, или почти убил. Но в первую очередь, он представлял себе лицо монстра, что, вероятней всего, убил Грегора: чешуйчатый, с бивнями и клыками. Голова твари развалилась с приятным треском, но внутри ничего не оказалось. Он поднял свой топор для *soup de grvse*, но вдруг лицо, которое он видел, стало лицом гостя, и Гюнтер сдержал удар.

Злясь на себя за недостойные и негостеприимные мысли, Гюнтер говорил себе, собирая поленья, что охотник на ведьм не сделал ничего, чтобы вызвать у него неприязнь. Возможно, он мог бы стать тем недостающим ресурсом, который бы помог разобраться с проблемой и поймать убийцу. Он решил обратиться с этим к Дагмару, после того как они все поедят, и вернулся в дом с хорошим настроением.

То, что он увидел, пройдя через низкую дверь, уничтожило его добродушие, словно демон-волшебник, изгнавший его в иной мир.

Аня вытерла лоб Дагмару одним из платков Гюнтера и села рядом с ним, пока тот задремал. Когда Гюнтер вернулся с дровами, она как раз чистила рану на правой руке человека. Рана была не очень глубокая, но из неё вытекло много крови, а края были рваные, словно свежевспаханная земля. Она попыталась снять перчатку, но охотник на ведьм сжал кулак. Видно боль была очень сильная.

Она промыла руку и запястье, но больше не пыталась снять перчатку. С рукой явно было что-то не то: она имела выпуклость там, где её быть не должно. Он говорил о стычке в лесу. Возможно, именно тогда он и сломал кость. Когда Гюнтер предложил ей пожить некоторое время у матери, пока незнакомец гостил в его доме, она лишь отмахнулась от него. Гюнтер, может быть, и был великим воином, но он понятия не имел, как ухаживать за раненым человеком. Когда он попытался ей приказать, она напомнила ему, что их не связывают никакие обеты, и до той поры, как это случится, она подчиняется лишь своей матери.

Разговор стал более горячим, так что она вынуждена была отложить перевязь, которую зашивала, и встать к нему лицом.

Именно в этот момент Дагмар вылез из своей постели, и, извинившись, попросил воды умыться.

Острый комментарий Ани о хороших манерах гостя, явно не стал тем, что могло бы успокоить Гюнтера.

Когда Дагмар вернулся, она уже ушла, а Гюнтер сидел за чашкой супа. Охотник на ведьм не мог сказать, что было более горячим: мужчина или огонь.

Двое мужчин обнаружили, что могли довольно свободно общаться, и Дагмар осознал, что мог иметь намного больше общего с этим человеком, чем думал поначалу.

Со своей стороны Гюнтер был удивлен тем, что так легко доверился охотнику на ведьм, и был вынужден слегка пересмотреть своё отношение к представителям этой профессии. Этот человек, Дагмар, хоть и был осведомлён об искажённых тварях Хаоса, но отличался от любого охотника на ведьм, о которых когда-либо слышал Гюнтер.

Дагмар разговаривал с Гюнтером в течение нескольких часов, предлагая различные варианты для защиты деревни. Дагмар рассказал, что некоторые мутанты имеют мощные, толстые шеи, так что могут пережить повешение. После чего предложил - и это была лишь одна из множества его идей - строительство костра с колом по центру, дабы преступник, попавший в плен, мог быть сожжён на нём.

Кроме того, Дагмар предположил, что, возможно, мутант был одним из жителей деревни и пообещал устроить охоту на сего падшего человека. Дагмар, увлекшись, задавал множество вопросов о привычках жителей Куртбада, и Гюнтер поведал ему, кто был надёжным, а кто, может быть, - не совсем. В конце концов, Гюнтер вздохнул и рассказал охотнику на ведьм свои подозрения.

***Я нечист. Как вы можете не чувствовать этого? Гниль моего тела, порчу моего сердца. Мы такие разные и такие одинаковые.***

Отто Флейшер был крайне толст. И Отто Флейшер не был добрым человеком. Если бы жители знали об Отто Флейшере *всё*, что о нём должно было знать, то они вряд ли бы позволили ему стать их мясником, не говоря о том, чтобы позволить ему хоронить их. Когда Отто хоронил Грегора, то даже не подумал скрыть то, что он не будет скучать по этому человеку.

Когда Аня вернулась, то их дом выглядел так, словно Гюнтер кутил всю ночь с одним из своих друзей-наёмников, которые изредка захаживали в их деревеньку, скорее чтобы скрыться от закона, чем в поисках места, где могли бы подлечиться. Рядом с огнём валялась пара пустых бутылок, а поодаль громко храпел хозяин дома. Он, очевидно, заснул около очага, его лицо было покрыто пеплом, облачка которого вздымались с каждым храпом. Вены на его щеках были красны, словно лисья шкура, а один из усов завернулся кверху.

Аня посмотрела на этого человека, её любовника, взглядом, которым фермер мог бы оценивать новорожденного ягнёнка, и повернулась, чтобы сравнить его облик с Дагмаровым. Кровать была пуста.

Аня положила исходящий паром завтрак на изрезанный стол и вышла на улицу.

Сняв перчатку с правой руки, Дагмар промывал их в потоке. Небольшой ручей бежал от Чёрных гор вдоль дороги от самого перевала Мрачный Молот и нырял под каменный мост в северной части деревеньки. Небольшое кладбище лежало на возвышавшемся противоположном берегу. Струи холодной воды, словно ножи, впивались в руку, но, впрочем, она была практически онемевшей. Он посмотрел на неё с отвращением.

Он расстегнул ремень и снял ботинки. Прикосновение воды к ногам было мучительным, но он заставил себя отринуть боль и пройти немного по скользким камням, лежавшим на дне мелкого потока. Дагмар смотрел, как кровь и грязь смешиваются с чистой водой и уносятся потоком прочь. Он представил себе, что очищается вместе с ними.

Дагмар услышал приближение девушки как раз вовремя, чтобы быстро натянуть перчатку обратно на руку.

Отто отполз из-за надгробия Грегора и поднял свой мешок. Он знал, что он видел. И теперь ему предстоял долгий путь обратно в деревню.

Гюнтер ушипнул кожу над глазами, его руки, сцепившись вместе, образовали подобие моста над его острым носом. Он отряхнул пепел с одежды и вновь оглядел дом. Завтрак. Ани нет. Дагмара нет. Он вытащил нож из балки крыши и принялся за томаты с приправой, пытаясь припомнить подробности вчерашнего разговора. Неужели он зашёл так далеко, что упомянул имя Отто? Это было низко.

Гюнтеру уже давно не нравился мясник, так что он даже отказался есть его мясо, предпочитая охотиться и вялить мясо самостоятельно, но у него не было никаких доказательств того, что Отто был убийцей. Тогда что заставило его рассказать об Отто охотнику на ведьм? Дагмар вроде говорил о мутациях Хаоса, с которыми имел дело, и, между прочим, упомянул о том, что они могут сделать человека очень толстым, но в остальном оставить неизменённым. Это как раз соответствовало облику Отто.

Но всё-таки, Гюнтер был вынужден признаться, хотя бы самому себе, что основной причиной его развязавшегося языка, в первую очередь, было тилейское вино. Это было несправедливо к гостю, казавшемуся порядочным человеком, обременять его столь дикими подозрениями.

Гюнтер вскочил на ноги, словно судно, неожиданно в полный штиль поймавшее ветер, и отправился на поиски Дагмара.

\*\*\*

Аня сидела на сухом камне, обтекаемом потоком ручья, и слушала рассказ Дагмара. Мужчина, вне всякого сомнения, был очарователен и, казалось, практически восстановился от своих страданий предыдущего дня, что было абсолютно невозможно. Его щёки порозовели, а борода вроде бы выросла за ночь.

Дагмар торжественно стоял на берегу ручья в притворной концентрации, пока рассказывал апокрифическую историю о послушнике храма Верены в Нульне. История была довольно запутанная, но Дагмар рассказывал её верой и правдой, сохраняя серьёзность на своём лице до самого кульминационного момента, вызвавшего у них громкий смех.

Дагмар согнулся пополам, разыгрывая чрезмерное веселье, и поскользнулся на илистом берегу. Он тяжело упал на правую руку, и его лицо исказилось от боли. Аня молнией метнулась на берег и помогла ему сесть. Её лицо пылало заботой. Перевязь, которую она сделала ранее, окрасила кровь, и Аня смогла увидеть осколки кости, пробившейся сквозь кожу пониже локтя. Он отодвинул её подальше здоровой рукой, которая оказалась на удивление сильной, словно человек, защищающийся от солнца.

В конце концов, она смогла успокоить его, и они сели на берегу. Когда она решилась склонить голову на его здоровое плечо, то Дагмар позволил ей это.

Гюнтер стоял на мосту и выковыривал мох из низкой каменной ограды моста. Он ощущал, как вода течёт у него под ногами, и как кровь струится по венам. Он заставил себя глубоко дышать, пока смотрел за ними. Гюнтер вспомнил, что он чувствовал, когда смотрел, как Аня танцует с другими парнями на дне Таала. Он стоял здесь в течение некоторого времени.

Когда он, наконец, смог оторваться от моста и продолжить путь сквозь перелесок к видневшемуся внизу потоку, то делал много шума, чтобы позволить им услышать его и расцепиться к тому времени, когда он подойдёт. Гюнтер уже совершенно забыл, зачем искал Дагмара.

Аня встретила его, как только он вышел из-за деревьев, расправляя платье и выбирая листья из волос. Он встретил её взгляд, и её глаза танцевали.

Дагмар уставился в поток и, словно младенца, баюкал правую руку. Гюнтер был готов поклясться, что он говорил с ней.

Когда Аня ушла, двое мужчин мгновение смотрели друг на друга, момент, который мог стать прелюдией к чему-либо. Когда он прошёл, Гюнтер предложил Дагмару составить ему компанию и посмотреть на следы на месте убийства Грегора.

Отто снова постучал в дверь. Он был уверен, что дома кто-то есть. Это был первый раз, когда он оказался



в настолько отчаянном положении, чтобы позвать на помощь милиционера. Однако когда дверь ему открыла блудница Гюнтера, это вызвало у него приступ тревоги.

\*\*\*

Дагмар встал позади Гюнтера, когда тот, склонившись над следами, указывал грязной веткой на различные особенности, отпечатавшиеся в торфяной подстилке. Они стояли, словно мрачный лес, отмечая последние шаги человека по имени Грегор.

Гюнтер пытался понять, как Грегор, обычно очень осторожный, мог попасть в засаду мутанта на столь открытом пространстве.

Гюнтер не думал, что в ту ночь Грегор был слишком пьян. Вряд ли бутылка, которую он нашёл, могла подтвердить версию Гюнтера о смерти человека, которую возникла у него при виде мутных следов на месте убийства.

Дагмар предположил, что, возможно, Грегор сам атаковал мутанта, а тот всего лишь защищался. Гюнтер категорически отверг это предположение.

Тогда Дагмар попытался объяснить Гюнтеру свою версию, основываясь на этих следах. Он перенёс некоторые из отметок Гюнтера здоровой рукой, показывая, где именно мутант был застигнут врасплох, когда Грегор поднял палку, и где теперь лежали две её половинки, омытые в нечистой крови. Наконец, он закончил, показав Гюнтеру место, где мутант смог отбиться и где было найдено тело павшего Грегора.

Гюнтер пришёл к выводу, что Грегор несомненно был абсолютно пьян, ибо никакой другой причиной невозможно объяснить то, что он стал настолько безрассудным.

***Я пытаюсь рассказать тебе. Я среди вас. Я - Хаос. Уничтожь меня.***

Аня сидела на кровати Гюнтера и смотрела на огонь. Она услышала, что хотел рассказать мясник, услышала его рассказ о том, что он видел, услышала его слова о покрытой чешуёй руке охотника на ведьм. Она спросила у него, что за дело привело Отто на кладбище в этот день, но человек быстро свернул разговор обратно на увиденное им. У мужчины, охотника на ведьм, были видны красно-зелёные чешуйки чуть пониже запястья, что, несомненно, являлось верным признаком порчи Хаоса. Жирный мясник указал, насколько одежда, в которую был облачён человек, плохо сидела на нём, а это явно свидетельствовало о том, что он, очевидно, не был истинным наездником для столь великолепного жеребца.

Аня выслушала всё это и увидела, что всё, рассказанное им, могло быть правдой. Она пообещала Отто, что вызовет Гюнтера, и сказала, чтобы он пока скрылся у себя дома и ждал их. После чего она уселась в темноте и попыталась вспомнить вкус дыхания человека, тогда, на берегу ручья.

Она попыталась вспомнить вкус разложения, порчи, но в мысли приходили лишь шум реки, да выражение его глаз.

Гюнтер медленно брёл к дому, пока горящий галеон солнца опускался за Серые горы. Он думал о том,

что сказал Дагмар, об ином взгляде на следы, отпечатавшиеся в грязи. О том, как он смог заставить его увидеть истину, что всё это время была перед его глазами. Больше чем когда-либо Гюнтер почувствовал себя бредущим по библиотеке, подобно той, что он видел в Мидденхейме, в которой хранились все знания о мире, а он не мог прочесть ни слова. Он прошёл мимо ждущего костра и учуял запах масла. Небольшая группа жителей Курбада стояла неподалёку, словно падальщики, ожидающие убийства. Гюнтер испытал схожее ощущение и торопливой походкой отправился к своему дому.

Аня ждала его у открытой двери, и вид её заставил его сердце замереть в тревоге. Она показала, чтобы он проходил внутрь, и после небольшой паузы, убедившись в том, что за ним никого нет, закрыла дверь.

- Я нашла убийцу, - сказала она.

Дагмар стоял на склоне над деревней, омываемый светом. Он смотрел на дома и струйки дыма, что их каминные очаги посылали в небо через отверстия в соломенной крыше. Он представлял себе готовящуюся пищу. Там, может быть, дети, животные снуют под ногами, несомненно. Там, в этих домах, и счастье и горе одновременно. Он ненавидел их, каждого из них. **Я ненависть.**

Кроме неё. Он вспомнил о ней около реки. Отраженный солнечный свет брызжет ей в лицо, охлаждая ее глаза. Он думал о миге, когда их лица соприкоснулись.

*Как она не смогла почувствовать запах его дыхания?*

Он разрушил картину молотом своей ненависти.

*Как она посмела?*

**Не прикасайся ко мне.**

*Разве она не знает, что она сделала для меня?*

Он снял перчатку с правой руки и покачал рукой, освободившейся от перевязи. Когда он согнул её, то почувствовал ток крови через неё, почувствовал, как порез на запястье вновь открылся, и кровотечение возобновилось.

**В моей крови яд.**

*Как она посмела?*

**Я - убийца.**

**Я - Хаос.**

*Я покажу ей.*

Он выхватил меч охотника на ведьм из ножен, висевших на поясе охотника на ведьм, и зашагал вниз по склону. *Я передумал. Я не умру. Я буду жить так, как живу, и буду тем, кем буду.*

Гюнтер осмотрел собравшихся: примерно пятнадцать мрачно смотревших мужчин и юношей. У каждого в руках было какое-либо оружие, у некоторых - факелы, зажжённые от огня гюнтерова камина. Аня сидела на кровати и молчала.

Гюнтер раздал последние инструкции, и группа покинула дом. Гюнтер вёл их. Он был единственным человеком с военной подготовкой, и хотя они считали, что знают свою жертву, но кто мог сказать, какую силу человеку могло придать проклятие Хаоса? Они не боялись - их было слишком много для этого - но определённое волнение всё-таки было, и оно увеличивалось с каждым шагом, подводящим их к намеченной жертве. Они говорили о мести и справедливости, хотя, на самом деле, ни один из них не думал о Грегоре.

Гюнтер сжал меч и напряг глаза, всматриваясь в темноту. Он поблагодарил Зигмара за то, что защитил Аню, несмотря на то, что она была так близко к опасности. Видения библиотеки вновь вернулись к нему, но на этот раз у Гюнтера не было необходимости в чтении.

Аня услышала, как он пришёл. Он шёл громко, и, казалось, не подозревал о толпе. Она стояла за дверью и задержала дыхание, когда он схватился за ручку.

Дагмар ввалился в комнату, и она увидела в его левой руке меч. Правая рука повисла, пальцы на ней шевелились, но он как будто не подозревал об этом. Это выглядело так, словно первые два и вторые два пальца находились в процессе слияния и не могли двигаться самостоятельно. Возможно, именно поэтому он больше не носил перчатку.

- Дагмар?

Он повернулся к ней, как загнанный в угол кабан, его лицо исказилось от боли и ярости. Она резко опустила железную кочергу на его левую руку, и выбитый меч со звоном упал на каменные плиты пола.

Он застонал, нет, зарычал от боли, и упал на пол. Он посмотрел на неё. Чёрные кровавые слёзы брызнули из его глаз.

Гюнтер дал сигнал, и толпа двинулась вперёд. Они загнали убийцу в ловушку в его доме, и всё, что осталось, - схватить его. Насколько они знали, он был один. Что было неудивительно. По общему мнению, Хаос нёс зловоние достаточное, чтобы заставить плакать даже солдата.

Гюнтер выпрямился и пнул дверь ногой, обутой в ботфорты наёмника. Она открылась без сопротивления, так что он чуть было не упал в комнату. Единственный обитатель дома вскочил, в шоке ударившись головой о мясницкий инструмент, висевший на центральной балке. Подручные Гюнтера навалились сзади, толкая своего командира вперёд.

Отто сжался при их появлении, но затем небольшая искра недостойного мужества вспыхнула в нём, и мясник схватился за тесак. Он был полураздет, и Гюнтер с отвращением смотрел на жировые складки, свисавшие над льняными штанами мясника. Его кожа была одутловатой и бледной, и весь дом его пропах мертвечиной. Гюнтер разоружил человека резким ударом по правой кисти. Толпа схватила мясника, заставив умолкнуть его протестующие вопли.

Аня встретила их у костра, держа в руках свежезажжённые факелы. Она, не моргнув глазом, смотрела на то, как бессознательного Отто швырнули на костёр. Убедить Гюнтера оказалось достаточно легко. Он неоднократно видел Отто с руками по локоть в свиной крови. Такой человек мог убить. Это был такой небольшой путь, путь от мясника Куртбада, к Мяснику Куртбада.

Отто был омерзительным человеком, и Аня убедила себя в том, что деревне будет лучше без него.

Гюнтер был предназначен для вынесения приговора, и приговор будет вынесен. Голодные и жестокие глаза толпы повернулись к тому месту, где она стояла, поддерживая Дагмара. Его правая рука висела на перевязи, а кисть - крепко затянута льняной повязкой.

Она подтолкнула его вперёд, и Дагмар вышел в свет факелов. Он учуял масло. Он посмотрел на окружавших его людей, на смерть в их глазах. Он оглянулся и посмотрел на жирного мясника, привязанного к столбу в центре кострища, словно кусок мяса, предназначенный для жарки. Он подумал о пьянице, похороненном мясником на кладбище. О жестоком охотнике на ведьм, чей труп был скрыт под охапкой опавших листьев. О милиционере, который, безо всякого сомнения, знал, и задавал себе вопрос, почему он стоит среди невежественной толпы жаждущей крови черни.

Но в основном он думал об Ане, о том, что она рассказала ему, о том, что она наверняка видела, когда сделала то, что сделала, и о том, как она вновь вернула его себе. Он попытался представить, что может произойти после того, как эта ночь закончится. Кто-то сунул факел в его левую руку.

Он развёл повреждённые пальцы и зажал кусок дерева между большим и указательным, словно в когтях. Он колебался. Он спросил толпу: - Почему этот человек должен умереть?

Толпа ответила ему: - Он - Хаос. Он должен умереть.

Правая рука Дагмара дёрнулась и потянулась из ткани перевязи. Аня нежно прикоснулась к нему пальцами и ободряюще сжала. Повязка разорвалась, и он отшвырнул её прочь.

Дагмар вскочил на груды брёвен, лоснящихся от покрывавшего их масла. Он посмотрел на мужчин и женщин с факелами и их кровожадный ужас.

***Мы такие одинаковые и такие разные.***

Мясник попытался поднять голову. Дагмар сунул факел в костёр, и огненный лес рванул к небесам. Отто завопил, а вместе с ним взвыл Дагмар. Он обнял толстяка и крепко вцепился рукой-когтем в заднюю часть столба.

Народ Куртбада отшатнулся от густого, зловонного дыма и мерзкого смрада гниения. Все, кроме Ани, которая стояла в свете пламени и тихо плакала, слёзы смешивались с кровью, текущей из раны на щеке.

Гюнтер потащил её прочь, встав между ней и стеной огня.

Тело Дагмара растаяло, словно свеча, как будто огонь внутри него был намного жарче, чем огонь костра, питаемый маслом и деревом. Для мясника же, смерть заняла куда больше времени.

***Я сгорю сейчас, как я сжигал тогда.***

\*\*\*

Хотя Куртбад по-прежнему был отмечен на карте торговцев, но он так и не стал городом. Некоторые говорили, что всегда могли чувствовать вонь мутанта на общинных пастбищах. Хаос коснулся их, говорили они, и это было причиной того, что посевы были скудны. Одинокaя виселица была разрушена и пущена на новые ограждения для овечьих загонов.

Гюнтер попытался уйти в отставку со своего поста, но был оставлен людьми, которые сказали, что теперь они воистину осознали серьёзность угрозы. Он попытался научиться читать. Аня покинула город

на чёрном жеребце с серебряными копытами, чтобы, как она утверждала, продать его по справедливой цене на рынках Нульна. Она никогда более не возвращалась в Куртбад, ни с ребёнком, ни с клеймом на руке.

---

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ненависть\\_/\\_Hatred\\_\(рассказ\)&oldid=9227](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ненависть_/_Hatred_(рассказ)&oldid=9227)

---

**Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 07:14.**